

УДК 343.6:343.8:343.9:316.3

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.1.132-148>

КЕРРИН Е. БЕЛЛ<sup>1</sup>

<sup>1</sup>Университет Восточного Вашингтона, г. Чейни, шт. Вашингтон, США

## НАСИЛИЕ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ И ИНТЕРСЕКЦИОНАЛЬНОСТЬ ФАКТОРОВ РАСЫ/НАЦИОНАЛЬНОСТИ И ПОЛА\*

Керрин Е. Белл, доцент социологии и уголовного правосудия, Университет Восточного Вашингтона  
Адрес: 329 Patterson Hall Cheney, WA 99004, США  
E-mail: [kbell@cwu.edu](mailto:kbell@cwu.edu)

**Цель:** анализ истории, становления и развития проблемы насилия в местах лишения свободы во взаимосвязи с интерсекциональностью факторов расы/национальности и пола.

**Методы:** диалектический подход к познанию социальных явлений, позволяющий проанализировать их в историческом развитии и функционировании в контексте совокупности объективных и субъективных факторов, который определил выбор следующих методов исследования: формально-логический, сравнительно-правовой, социологический.

**Результаты:** уровень наказаний в виде лишения свободы среди представителей национальных меньшинств обоих полов очень высок. Это приводит к росту насилия в местах лишения свободы. Более ранние исследования в этой области рассматривали проблемы личностей, а не взаимодействие между их статусами. Данная работа посвящена роли интерсекциональной криминологии и проблеме насилия по отношению к женщинам-заключенным в местах лишения свободы одного из крупных штатов на западе США. Интерсекциональная криминология – это теоретический подход, позволяющий критически рассмотреть влияние взаимодействующих статусов личностей на уровень преступности. В данном исследовании мы не выдвигаем гипотез о причинах зависимости между факторами расы/национальности и пола и уровнем тюремного насилия, а лишь указываем на существование феномена женщины – представители национальных меньшинств совершают больше насильственных действий в тюрьмах, чем белые женщины. Использование интерсекционального подхода позволяет приблизиться к решению проблемы идентификации женщин-заключенных в качестве членов преступных группировок и потенциальным влиянием этого фактора на уровень насилия.

**Научная новизна:** в статье впервые обосновано, что интерсекциональный подход позволяет получить более надежные статистические результаты при оценке уровня тюремного насилия. Доказано, что женщины – представительницы национальных меньшинств совершают больше насильственных правонарушений в местах лишения свободы, чем белые женщины. Таким образом, данная работа подтвердила высказывавшееся ранее мнение, что интерсекциональный подход необходимо шире использовать в исследованиях и чаще применять полученные результаты на практике.

**Практическая значимость:** основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с насилием в местах лишения свободы и интерсекциональностью факторов расы/национальности и пола.

**Ключевые слова:** интерсекциональность; фактор расы/национальности; фактор пола; места лишения свободы; насилие; преступность; статус личности

**Как цитировать русскоязычную версию статьи:** Керрин Е. Белл. Насилие в местах лишения свободы и интерсекциональность факторов расы/национальности и пола // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12, № 1. С. 132–148. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.1.132-148>

\* Впервые статья опубликована на английском языке в журнале Criminology, Criminal Justice, Law & Society. Данная статья распространяется на условиях открытого доступа по некоммерческой лицензии Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), которая предусматривает некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии корректного цитирования оригинала работы. По вопросам коммерческого использования обращаться в редакцию журнала Criminology, Criminal Justice, Law & Society (CCJLS) и The Western Society of Criminology: [CCJLS@WesternCriminology.org](mailto:CCJLS@WesternCriminology.org)

Цитирование оригинала статьи на английском языке: Kerryn E. Bell. Prison violence and the intersectionality of race/ethnicity and gender // Criminology, Criminal Justice, Law & Society, 2017. Vol. 18. Is. 1. Pp. 106–121.

KERRY E. BELL<sup>1</sup>

<sup>1</sup> Eastern Washington University, Cheney, Washington, USA

## PRISON VIOLENCE AND THE INTERSECTIONALITY OF RACE/ETHNICITY AND GENDER

Kerry E. Bell, Associate Professor of Sociology and Criminal Justice at Eastern Washington University  
Address: 329 Patterson Hall Cheney, WA 99004, United States  
E-mail: kbell@ewu.edu

**Objective:** to analyze the history, occurrence and development of the problem of prison violence from the viewpoint of the intersectionality of race/ethnicity and gender factors.

**Methods:** dialectical approach to cognition of social phenomena, allowing to analyze them in historical development and functioning in the context of the totality of objective and subjective factors, predetermined the following research methods: formal-logical, comparative-legal, and sociological.

**Results:** Minority men and women are significantly impacted by mass incarceration. Mass incarceration has also resulted in a growth in prison violence, and previous studies in this area have focused on individuals and not their interconnected statuses. This study specifically considers the role of intersectional criminology and the commitment of prison violence in a large western state on female inmates. Intersectional criminology is a theoretical approach that enables a critical look at the impact of individuals' interconnected statuses in relation to crime. The authors do not hypothesize about the reasons for the dependences between race/ethnicity and gender factors and the level of prison violence, but state that minority females commit more violent infractions in prison than White women. Intersectionality allows coming closer to solving the problem of identifying the incarcerated females as members of criminal groups and study the potential impact of this factor on the violence level.

**Scientific novelty:** for the first time, the research proves that intersectionality allows receiving more reliable statistical results when estimating the level of prison violence. It has been proved that minority females commit more violent infractions in prison than White women. Thus, this study builds upon previous arguments that intersectionality should be more widely used in future research, and discusses implications for the findings.

**Practical significance:** the main provisions and conclusions of the article can be used in research and teaching for the consideration of the issues related to prison violence and the intersectionality of race/ethnicity and gender factors.

**Keywords:** Intersectionality; Race/ethnicity factor; Gender factor; Prison; Violence; Crime; Personality status

**For citation of Russian version:** Kerry E. Bell. Prison violence and the intersectionality of race/ethnicity and gender, *Actual Problems of Economics and Law*, 2018, vol. 12, No. 1, pp. 132–148. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.1.132-148>

\* The article is first published in the English language by Criminology, Criminal Justice, Law & Society. For more information, please contact CCJLS@WesternCriminology.org.

For original publication: Kerry E. Bell. Prison violence and the intersectionality of race/ethnicity and gender, *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 2017, vol. 18, Is. 1, pp. 106–121.

Хотя в целом уровень лишения свободы понизился по сравнению с 2009 г.<sup>1</sup>, эта проблема по-прежнему вызывает тревогу в США [1]<sup>2</sup>. Некоторые исследователи утверждают, что политика массированного лишения свободы возникла как система расового социального контроля, непропорционально затрагивающая национальные меньшинства [3]. Общеизвестно, что процент чернокожих мужчин и латиноамериканцев в местах лишения свободы гораздо выше, чем их процент в населении Соединенных Штатов в целом. Фактически процент чернокожих мужчин-заключенных выше, чем представителей любой другой расовой/национальной группы для всех возрастных категорий [1]<sup>3</sup>. Согласно последнему докладу Агентства по статистике в области правосудия, чернокожие заключенные составляют 37 % от общего количества заключенных, белые – 32 %, латиноамериканцы – 22 % [4]. Однако когда в США прибегли к политике массированного лишения свободы, мало кто задумывался о тех непредвиденных последствиях, которые эта политика будет иметь для женщин – представительниц национальных меньшинств [5]. Фактически вероятность оказаться в местах лишения свободы для чернокожих женщин в 1,6–4,1 раза превышает таковую для белых женщин во всех возрастных группах [4].

В частности, установлено, что уровень лишения свободы среди чернокожих женщин возрастает. Вероятность заключения под стражу для чернокожих женщин в три раза выше, чем для белых. Частично это является следствием кампании по противодействию наркотикам [6–8]. Однако количественных иссле-

дований возможной зависимости между фактором расы/национальности среди женщин-заключенных проводилось очень мало [9].

Кроме того, уровень лишения свободы среди женщин в целом растет быстрее, чем среди мужчин [10–12]. Bell и Lindekugel [13] не обнаружили значимых различий между числом заключенных мужского и женского пола, совершающих акты насилия в тюрьмах, несмотря на увеличение количества женщин-заключенных. При этом многие исследования насилия в тюрьмах посвящены отдельным социальным показателям национальности или пола, но не комплексному показателю влияния расы/национальности на уровень тюремного насилия.

Совершение преступлений зависит от иерархических отношений власти [14]. Другими словами, определение насилия будет зависеть не только от специфики конкретной ситуации, но и от того, кто именно обладает полномочиями определять групповую идентичность и социальный контекст. Очевидно, что при этом будет задействована динамика взаимоотношений между заключенными и персоналом места заключения. Richie [15] считает, что среди всех социальных групп чернокожие женщины в наибольшей степени подвергаются маргинализации со стороны государства, постепенно криминализируются и подвергаются обвинениям за те условия, в которых они совершают правонарушения. Возможно, эти выводы применимы и к тюремному насилию.

Согласно интерсекциональному подходу, пол и национальность – это динамичные социально конструируемые отношения власти, действующие как на микро-, так и на макроуровне [16–21]. Во многих исследованиях раскрывается социальный контекст, усиливающий такие отношения власти [20, 22]. Интерсекциональная криминология – это теоретический подход, который позволяет критически рассмотреть влияние взаимодействующих личностных статусов на социальный контроль преступности и другие проблемы в сфере преступности [23].

Угроза тюремного заключения – главный фактор социального контроля над преступностью в США, поэтому это релевантный предмет исследования в области интерсекциональности и преступности [3]. Кроме того, интерсекциональное влияние факторов расы/национальности и пола на уровень тюремного насилия было до сих пор мало изучено [24]. Как счи-

<sup>1</sup> Во многих работах рассматриваются корреляции, связанные с тюремным насилием, но это не является целью данной статьи. Нашей целью было показать, что при любом обсуждении корреляций тюремных преступлений необходимо использовать интерсекциональный подход, поскольку он дает больше теоретически и статистически значимых данных, чем рассмотрение демографических показателей по отдельности.

<sup>2</sup> Общепризнано, что более высокий процент лишения свободы среди чернокожих мужчин не является результатом одной лишь политики массированного лишения свободы. Он также является следствием более высокого уровня насильственных преступлений среди чернокожих мужчин, особенно убийств [2].

<sup>3</sup> Интерсекциональный подход может также использовать другие показатели, например, социально-экономическое положение и уровень сексуальности. Однако в данной работе рассматривается только интерсекциональность по фактору расы/национальности и пола.

тает Richie [25], это особенно неприемлемо потому, что в условиях политики массированного лишения свободы влияние факторов расы/национальности и пола многократно возрастает за счет ужесточения социального контроля над представителями национальных меньшинств обоих полов.

В частности, Osen [6] считает, что независимый анализ массированного лишения свободы, основанный на рассмотрении факторов расы/национальности и пола по отдельности, недостаточен для понимания всех аспектов тюремного заключения. Напротив, интерсекциональный подход позволяет увидеть, что жертвами политики массированного лишения свободы стали не только чернокожие мужчины, но и представители других национальных меньшинств обоих полов. Данное исследование фокусируется на изучении роли интерсекциональной криминологии в оценке факторов расы/национальности и пола при совершении тюремного насилия. Прежде всего, мы рассматриваем более ранние работы по влиянию факторов расы/национальности и пола на уровень тюремного насилия по отдельности и с точки зрения интерсекционального подхода. Далее мы оцениваем интерсекциональную модель тюремного насилия. В работе представлены данные, позволяющие сделать вывод, что интерсекциональная оценка влияния факторов расы/национальности и пола на уровень тюремного насилия дает более адекватные результаты, чем рассмотрение этих факторов как отдельных социологических характеристик.

## ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

### Интерсекциональность факторов расы/национальности и пола<sup>4</sup>

В ряде недавних работ рассматривается влияние политики массированного лишения свободы на совместное воздействие факторов расы/национальности и пола. Alexander [3] даже заметил, что есть мнение, что тюремное заключение в США превратилось в хорошо замаскированную систему расового социального контроля, особенно в отношении чернокожих мужчин. В частности, Tonry [26] показал, что правительства принимают решения о видах наказания независимо от реальных данных об уровне преступ-

ности. Этот аргумент выдвигался в США в связи с кампанией против наркотиков, когда ужесточение законодательства началось на фоне снижения уровня незаконного оборота наркотиков [3, 27]. Что еще важнее, большинство заключенных по этим законам (в период кампании по борьбе с наркотиками) были чернокожими мужчинами [3].

Массовое применение тюремного заключения так же непропорционально затрагивает женщин – представителей меньшинств [6, 28]. Чернокожие женщины попадают в тюрьмы в три раза чаще, чем белые, что частично является результатом антинаркотической кампании [6, 7]. Heimer и др. [9] считают, что при анализе уровня лишения свободы среди женщин необходимо учитывать фактор расы/национальности. Уровень виктимности среди чернокожих женщин изначально повышен двумя факторами – пола и расы, а массовые тюремные заключения усиливают уровень виктимизации [25, 29–31]. Richie [15] отмечает, что существующая система уголовного правосудия определенно не отвечает потребностям чернокожих женщин из бедных слоев (из-за недостаточного охвата их различными программами) и может способствовать дальнейшей криминализации и росту насилия.

Хотя исследования зависимости между расой/национальностью и уровнем тюремного насилия проводились неоднократно, большинство из них касаются только заключенных-мужчин [32]. Пересечение фактора расы/национальности с показателем уровня тюремного насилия – это важнейшая область исследований, поскольку в настоящее время наблюдается тенденция интенсификации взаимодействия между исправительными учреждениями и сообществами [32]. В частности, интерсекциональный подход особенно релевантен при изучении массированных лишений свободы, поскольку пребывание в тюрьме придает дополнительный статус неполноценности, добавляемый к факторам расы/национальности и пола [29]. Например, характеристики из тюрем лишают многих отбывших наказание возможности получить жилье и работу. Эта проблема касается чернокожих в большей степени, чем белых [33]. Однако исследований по проблеме интерсекциональности факторов расы/национальности и пола недостаточно как в целом, так и в аспекте насильственной преступности [34].

Именно внимание интерсекционального подхода к изучению факторов расы/национальности и пола,

<sup>4</sup> См. [1].

проявленное со стороны движения чернокожих феминисток, послужило толчком к возникновению современного межрасового феминизма [22]. С точки зрения межрасового феминизма, существует иерархия власти, в которой люди оказываются благодаря пересекающимся системам расы/национальности и пола [35]. Ключевой элемент данной концепции состоит в том, что социальные отношения основаны на факторах расы/национальности и пола как интерактивных категориях, а не постоянных характеристиках [16, 36]. В частности, социальное положение чернокожих женщин как аутсайдеров дает основания предположить, что факторы расы/национальности и пола действуют одновременно [37, 38].

Согласно интерсекциональному подходу факторы расы/национальности и пола являются динамическими социально сконструированными отношениями власти, действующими как на микро-, так и на макроуровне [16–21]. Исследования в рамках интерсекционального подхода позволяют получить данные о социальных контекстах, усиливающих отношения власти [20, 22]. Potter считает, что интерсекциональная криминология стала особым теоретическим подходом, который «призван внести большой вклад в критическую криминологию и значительно развить теорию криминологии в целом» [23, р. 306]. Интерсекциональная криминология выводит на первый план критическое отображение влияния взаимосвязанных идентичностей людей на практику социального контроля преступности [23].

### Фактор расы/национальности

Фактор расы/национальности сам по себе коррелирует с тюремным насилием и является надежным предиктором насилия. Однако большинство исследований в этой области рассматривают только заключенных-мужчин, причем представители национальных меньшинств показывают более высокий уровень насилия, чем белые заключенные [39]. Steiner и Wooldredge [40], исследуя тюрьмы штатов, показали, что в учреждениях с более высокой долей чернокожих заключенных уровень насилия был выше. Однако они сделали вывод, что на него повлияла неоднородность состава заключенных. Harer и Steffensmeier [41] в 1980-х гг. оценивали уровень насильственных правонарушений в федеральных мужских тюрьмах, расположенных в различных географических зонах. Они подтвердили, что фактор расы являлся значимым

предиктором насилия, так как чернокожие заключенные – мужчины совершали в два раза больше попыток насильственных действий, чем белые.

DeLisi [42] предложил классификацию заключенных-мужчин по расе на белых, черных, латиноамериканцев, коренных американцев и американцев азиатского происхождения и показал, что латиноамериканцы совершают наибольшее количество попыток насильственных действий. Фактически в их исследовании делается вывод, что принадлежность к латиноамериканской расе и мужской пол – это самый сильный предиктор совершения насильственных преступлений. На втором месте оказались коренные американцы, тогда как показатель для черных не отличался сколько-нибудь значительно от показателя белых. Однако Rocheleau [43] в исследовании на Род-Айленде показал, что заключенные латиноамериканского происхождения были, напротив, *наименее* склонны участвовать в тюремном насилии. Объяснений таким различиям дано не было. Наконец, DeLisi [42] на примере выборки мужчин и женщин, разделенных по признаку расы на белых и прочих, показал, что небелые были более склонны участвовать в тяжелых насильственных правонарушениях, чем белые.

Вместе с тем ряд серьезных исследований не выявил никаких значимых корреляций между фактором расы/национальности и совершением насилия в тюрьмах [44–47]. Хотя результаты предыдущих исследований указывают на такие корреляции, однако ученые придерживаются различных точек зрения на степень и причины такого влияния. Steiner и Wooldredge [40] считают, что причины агрессивного поведения заключенных во многом объясняются корреляциями между неблагоприятным положением меньшинств в обществе и обстановкой в тюрьмах. Этим может объясняться и повышенный процент представителей меньшинств в современных тюрьмах.

### Фактор пола

Данные литературы о связи между полом и склонностью к преступному поведению вообще и насильственным преступлениям в частности разнородны. Ряд исследователей считает, что существует связь между половой принадлежностью и противоправным поведением [48–51]. Однако в других исследованиях эта зависимость не была обнаружена, в том числе относительно тюремного насилия [13, 45, 52].

Поскольку тяжелые насильственные действия гораздо менее характерны для женских исправительных заведений, то и изучали их намного меньше [53, 54]. В работах о связи пола и насилия в тюрьмах было выявлено, что мужчины чаще совершают насильственные действия, чем женщины [32, 54–59]. В недавних работах, посвященных совершению в тюрьмах таких преступлений, как убийство, нападение с отягчающими обстоятельствами, захват заложников и учинение массовых беспорядков, было показано, что эти насильственные действия очень редко совершаются заключенными-женщинами [50]. Кроме того, изучалась связь между прошлой криминальной историей женщин-заключенных и их поведением в тюрьмах [60]. По мнению некоторых ученых, межличностные взаимоотношения женщин-заключенных могут становиться более неустойчивыми, чем считалось ранее [61]. Это может приводить к росту насилия среди женщин в тюрьмах.

Кроме того, недавние исследования показали, что персонал тюрем может проявлять свою власть по-разному в отношении заключенных – мужчин и женщин. Осеп [6] считает, что разница в отношении усиливается в зависимости не только от пола, но и от расы/национальности. Так, предвзятое отношение к заключенным может способствовать попыткам насильственных действий по фактору пола как таковому, но также и в аспекте интерсекциональности по фактору расы/национальности и пола. Иначе говоря, сотрудники исправительных учреждений могут не только обращаться с мужчинами и женщинами по-разному, но и обращаться по-разному с белыми и чернокожими женщинами и т. д. Эти данные показывают, что необходимы дальнейшие исследования зависимости уровня тюремного насилия от гендерного фактора.

### Гипотезы

Основная гипотеза данного исследования состоит в том, что использование интерсекционального подхода к рассмотрению факторов расы/национальности и пола позволяет получить более адекватные статистические данные о совершении насильственных преступлений в тюрьмах, чем рассмотрение этих факторов по отдельности. Вторая гипотеза – женщины – представители национальных меньшинств непропорционально чаще оказываются вовлечены в попытки насильственных действий в тюрьмах.

## МЕТОДОЛОГИЯ

**Сбор данных.** Данные были предоставлены Департаментом коррекции одного из крупных штатов на западе США. Включены все лица, содержащиеся в местах лишения свободы с 2009 по 2011 гг. Выборка включает 6 674 женщин (17,3 %) и 31 842 мужчин (82,7 %). Собранная информация включает такие данные, как раса/национальность, пол, возраст, уровень образования, вид преступления, срок по приговору, повторность тюремного заключения<sup>5</sup>.

### Независимые переменные

Пересечение факторов расы/национальности и пола. Количественная проверка метода интерсекциональности может быть проведена с помощью метода постепенного приближения или мультипликативного подхода. Оба подхода могут с успехом применяться исследователями интерсекциональности, использующими метод унитарного приближения [62]. По этой причине метод унитарного приближения был использован в данной работе с созданием следующих пересечений: женщины азиатского/тихоокеанского происхождения, чернокожие женщины, женщины латиноамериканского происхождения, коренные американки, женщины другого происхождения и белые женщины. Последняя категория является референтной.

### Зависимые переменные

Зависимые измерения являются дихотомическими, так как сравнивают лиц, совершивших и не совершавших насильственные преступления в период с 2009 по 2011 гг. независимо от количества этих преступлений. Согласно официальным данным, действия, квалифицируемые как насильственные, перечислены в Приложении А<sup>6</sup>. Перед проведением анализа необходимо было решить вопрос, следует ли сделать

<sup>5</sup> Уровень штата стал общепринятым стандартом при анализе положения в местах лишения свободы, поскольку большая часть заключенных содержится в тюрьмах штатов [9].

<sup>6</sup> Насилие по отношению к себе (т. е. нанесение вреда себе) встречалось очень редко, и поэтому было исключено из данного исследования. Кроме того, мы признаем, что данные официальных отчетов могли повлиять на результаты. Об этом подробнее сказано в разделе «Ограничения».

зависимые измерения дихотомичными или категориальными (т. е. факт или количество совершенных преступлений). Другими словами, необходимо было решить, будет ли выбор между дихотомической или категориальной переменной влиять на результаты исследования.

В итоге мы провели как дихотомичные, так и категориальные зависимые измерения, а также был проведен формальный тест на равенство коэффициентов регрессии максимального совпадения между дихотомичными и категориальными данными по следующей статистической формуле [63, 64]:

$$Z = \frac{b_1 - b_2}{\sqrt{SEb_1^2 + SEb_2^2}},$$

где  $b_1$  и  $b_2$  – коэффициенты регрессии для модельных переменных, а  $SEb_1$  и  $SEb_2$  – стандартные отклонения для тех же переменных. Полученные незначимые показатели  $z$  означают, что нет значимой разницы между регрессионным анализом с использованием дихотомичных и категориальных зависимых измерений. В результате мы выбрали вариант с дихотомичными зависимыми измерениями, учитывая, что цель данного исследования – не выяснение корреляций факторов тюремного насилия, а определение теоретической модели, наиболее адекватно отражающей аспекты совершения насильственных преступлений в тюрьмах.

### Контрольные переменные

**Возраст.** Среди контрольных переменных были выделены демографические показатели, такие как возраст и уровень образования, а также тип совершенного преступления, срок заключения по приговору и повторное заключение. Возраст – один из самых значимых факторов уровня нарушений дисциплины в тюрьмах, включая уровень насилия [65–70]. В частности, лица более молодого возраста более склонны к насилию в тюремном заключении [68].

**Принадлежность к преступным группировкам.** Хотя принадлежность к преступным группировкам менее характерна для женщин [71], группировки причастны к тюремному насилию [72–74]. Поэтому в исследование включена фиктивная переменная принадлежности к преступным группировкам. В исследуемом штате принадлежность к преступным

группировкам определялась по добровольному признанию самого заключенного или по оценке сотрудника тюрьмы.

**Уровень образования.** Во многих исследованиях было показано, что уровень образования влияет на поведение и насилие в тюрьме, однако эти исследования не были последовательными. Так, на выборке из штата Вашингтон (включая Нью-Йорк и Вермонт), Wooldredge, Griffin и Pratt [75] показали, что уровень образования является предиктором нарушений дисциплины в тюрьме. Такая же роль низкого уровня образования в увеличении вероятности насильственных действий в тюрьмах была показана для штатов Аризона, Флорида и Миссури [32, 39, 50, 67, 69, 76]<sup>7</sup>.

**Типы преступлений.** Все преступления, по которым были осуждены заключенные, были отнесены к одной из трех категорий: насильственные преступления, имущественные преступления и преступления, связанные с наркотиками. Таким образом, исследование охватывает самые частотные причины назначения наказания в виде лишения свободы [77]. Лишение свободы считалось повторным, если предыдущее наказание в виде лишения свободы было назначено за любой тип преступлений.

**Длительность заключения по приговору.** Согласно прошлым исследованиям поведения в местах лишения свободы в целом и насильственных действий в частности, фактор длительности заключения может иметь значение; при этом совершение насильственных действий более вероятно в начале срока лишения свободы и/или теми, кто осужден на более короткие сроки [32, 45, 68, 75]. Учитывая эти данные, а также частотное распределение присуждаемых сроков лишения свободы, мы разделили сроки заключения на четыре категории: менее одного года, от одного до двух лет, от двух до трех лет и более трех лет<sup>8</sup>.

<sup>7</sup> В частности, Cunningham и др. [69] обнаружили, что уровень образования, составляющий более 12 лет обучения, связан с более низким уровнем тюремного насилия, а в работе Cunningham & Sorensen [67] показано, что тот же эффект действует и для 9 лет обучения.

<sup>8</sup> Эффект интерсекциональности снижается при рассмотрении группы по признаку срока заключения более трех лет. Одна эта группа была выделена, поскольку в исследовании было задействовано очень мало заключенных с более длительными сроками лишения свободы.

**Повторное лишение свободы.** Заключенные, приговоренные к лишению свободы повторно, также демонстрируют более высокий уровень дисциплинарных нарушений и/или насилия в местах лишения свободы [32, 69, 78–80]. Для учета данного фактора была введена фиктивная переменная с ответом «да» или «нет», указывающая на первичное или повторное лишение свободы соответственно<sup>9</sup>.

### Стратегия анализа

Перед составлением регрессий был проведен предварительный описательный двумерный анализ. Он показал процентное отношение правонарушений и относительную погрешность. Далее для оценки влияния интерсекциональности факторов расы/национальности и пола на уровень насилия в тюрьмах использовалась бинарная логистическая регрессия (поскольку зависимая единица измерения является дихотомической)<sup>10</sup>. Перед проведением анализа для всех переменных проводился тест на фактор, увеличивающий дисперсию (ФУД), для проверки на мультиколлинеарность. Значений ФУД, превышающих 4, не было обнаружено (стандартный уровень отсечения), что указывает на отсутствие мультиколлинеарности в данном исследовании.

### Описательный двумерный анализ

Подавляющее большинство насильственных преступлений в тюрьмах были совершены заключенными по отношению к заключенным (см. приложение Б). В табл. 1 представлен предварительный описательный двумерный анализ пересечений факторов расы/национальности и пола с показателями насильственных правонарушений в тюрьмах. Полученные результаты показывают, что основная часть женщин-заключенных не совершает насильственных правонарушений в тюрьмах. Метод интерсекциональности показывает, что для женщин-заключенных латиноамериканского происхождения относительная вероятность совер-

шения насильственных правонарушений в тюрьмах наиболее высока (5,00), за ними следуют чернокожие женщины (3,00), коренные американки и прочие (2,33), а затем женщины азиатского/тихоокеанского происхождения (1,67).

Значения контрольных переменных показывают, что вероятность совершения насильственных правонарушений в тюрьмах больше для более молодых заключенных, членов преступных группировок, имеющих образование ниже среднего и осужденных за более тяжкие преступления. Влияние срока заключения довольно неустойчиво, но несколько более высокий показатель уровня преступности наблюдается у осужденных на срок от двух до трех лет. Кроме того, как и ожидалось, повторное заключение увеличивает вероятность совершения насильственных правонарушений.

### Многофакторный анализ

Результаты мультипараметрического анализа представлены в табл. 2. Зависимость вероятности совершения насильственных преступлений от фактора пола значительно коррелирует с фактором расы/национальности по принципу интерсекциональности. Вероятность совершения насильственных преступлений в тюрьмах значительно больше для чернокожих женщин ( $OR = 2,21, p < 0,001$ ), женщин латиноамериканского происхождения ( $OR = 2,01, p < 0,01$ ) и коренных американок ( $OR = 1,99, p < 0,01$ ), чем для белых женщин.

Логистический регрессионный анализ контрольных переменных показывает, что более молодые заключенные, а также имеющие более низкий образовательный уровень чаще склонны к совершению насильственных преступлений. Кроме того, обнаружено, что осужденные за имущественные преступления и преступления, связанные с наркотиками, менее склонны к тюремному насилию. Влияние длительности срока по приговору также оказалось довольно непоследовательным, хотя обнаружено, что наибольшее количество насильственных действий в тюрьмах совершалось лицами, приговоренными на срок от одного до двух и от двух до трех лет лишения свободы. Кроме того, как и ожидалось, повторное заключение повышало вероятность совершения насильственных преступлений. Количество женщин – членов преступных группировок недостаточно для проведения мультипараметрического анализа.

<sup>9</sup> Поскольку исследование направлено на изучение уровня насилия в местах лишения свободы, то другие виды прошлых приговоров (например, испытательный срок или исправительные работы) не оказывали влияния на переменную повторного лишения свободы.

<sup>10</sup> Отсутствующие в таблице данные были немногочисленными и с большим разбросом значений, поэтому они не включены в статистический анализ.

Таблица 1

**Описательный анализ пересечений факторов расы/национальности и пола  
с показателями насильственных правонарушений в тюрьмах (N = 6674)**

**Table 1. Descriptive Analysis of the Intersectionality of Race/Ethnicity and Gender Frequency  
of Violence infractions in Prison (N = 6,674)**

| Фактор расы/национальности и пола /<br>Factors of race/ethnicity and gender        | Ненасильственные<br>правонарушения, % /<br>No Violent Violent Infraction (%) | Насильственные<br>правонарушения, % /<br>Violent Infraction (%) | Всего, N /<br>Total, N | Относительная<br>вероятность /<br>Relative Odds* |
|------------------------------------------------------------------------------------|------------------------------------------------------------------------------|-----------------------------------------------------------------|------------------------|--------------------------------------------------|
| <i>Пересечения / Intersections</i>                                                 |                                                                              |                                                                 |                        |                                                  |
| Женщины азиатского/тихоокеанского происхождения /<br>Asian/Pacific Islander female | 94,8                                                                         | 5,2                                                             | 174                    | 1,67                                             |
| Чернокожие женщины / Black female                                                  | 91,7                                                                         | 8,3                                                             | 737                    | 3,00                                             |
| Женщины латиноамериканского происхождения / Latina female                          | 87,2                                                                         | 12,8                                                            | 187                    | 5,00                                             |
| Коренные американки / Native American female                                       | 93,2                                                                         | 6,8                                                             | 293                    | 2,33                                             |
| Женщины другого происхождения / Other female                                       | 93,2                                                                         | 6,8                                                             | 132                    | 2,33                                             |
| Белые женщины / White female <sup>a</sup>                                          | 96,8                                                                         | 3,2                                                             | 5 151                  | 1,00                                             |
| <i>Контрольная переменная / Control Variables</i>                                  |                                                                              |                                                                 |                        |                                                  |
| <i>Возраст / Age</i>                                                               |                                                                              |                                                                 |                        |                                                  |
| 18–29 <sup>a</sup>                                                                 | 95,8                                                                         | 4,2                                                             | 1 432                  | 1,00                                             |
| 30–49                                                                              | 95                                                                           | 5                                                               | 3 705                  | 1,25                                             |
| 50+                                                                                | 97,4                                                                         | 2,6                                                             | 1 133                  | 0,83                                             |
| <i>Членство в преступной группировке / Gang Member</i>                             |                                                                              |                                                                 |                        |                                                  |
| Членство в преступной группировке – да / Gang Member – Yes <sup>a</sup>            | 66,7                                                                         | 33,3                                                            | 9                      | 1,00                                             |
| Членство в преступной группировке – нет / Gang Member – No                         | 95,8                                                                         | 4,2                                                             | 6 665                  | 0,08                                             |
| <i>Образование / Education</i>                                                     |                                                                              |                                                                 |                        |                                                  |
| Незаконченное среднее образование / No High School Degree                          | 87,4                                                                         | 12,6                                                            | 215                    | 3,50                                             |
| Законченное среднее образование / High School Degree <sup>a</sup>                  | 96                                                                           | 4                                                               | 6 459                  | 1,00                                             |
| <i>Тип преступления / Sentence Type</i>                                            |                                                                              |                                                                 |                        |                                                  |
| Насильственное преступление / Violent Offense <sup>a</sup>                         | 94,6                                                                         | 5,4                                                             | 1 281                  | 1,00                                             |
| Имущественное преступление / Property Offense                                      | 96,2                                                                         | 3,8                                                             | 2 610                  | 0,67                                             |
| Преступление, связанное с наркотиками / Drug Offense                               | 97,1                                                                         | 2,9                                                             | 3 105                  | 0,50                                             |
| <i>Срок по приговору / Sentence Length</i>                                         |                                                                              |                                                                 |                        |                                                  |
| Менее одного года / Less than One Year <sup>a</sup>                                | 96,1                                                                         | 3,9                                                             | 5 399                  | 1,00                                             |
| От одного года до двух лет / One to Less than Two Years                            | 94,1                                                                         | 5,9                                                             | 1 389                  | 1,50                                             |
| От двух до трех лет / Two to Less than Three Years                                 | 88                                                                           | 12                                                              | 242                    | 3,50                                             |
| Более трех лет / More than Three Years                                             | 95                                                                           | 5                                                               | 119                    | 1,25                                             |
| <i>Повторное лишение свободы / Repeat Incarceration</i>                            |                                                                              |                                                                 |                        |                                                  |
| Повторное лишение свободы – да / Repeat Incarceration – Yes <sup>a</sup>           | 84                                                                           | 16                                                              | 714                    | 1,00                                             |
| Повторное лишение свободы – нет / Repeat Incarceration – No                        | 97,1                                                                         | 2,9                                                             | 5 960                  | 0,16                                             |

*Примечание / Note:*

<sup>a</sup> Реферативная категория – относительная вероятность / Relative odds reference category.

\* Относительная вероятность вычислялась с помощью: 1) деления процентного показателя насильственных преступлений в группе на процент ненасильственных преступлений (не включены в табл. 1) и 2) деления вероятности нереферентных групп на вероятность референтной группы, вычисленной в п. 1 / Relative odds were calculated by #1 dividing the percentage of violent infractions of a group by the percentage of non-violent infractions (not shown in Table 1) and #2 taking the odds of a reference group calculated in #1 and dividing the odds of other groups to that reference.

Таблица 2

**Логистическая регрессия по влиянию интерсекциональности расы/национальности и пола на частоту насильственных правонарушений в местах лишения свободы (в скобках даны стандартные ошибки;  $N = 6674$ )**

**Table 2. Logistic Regression of the Intersectionality of Race/Ethnicity and Gender on Frequency of Violent Infractions in Prison (Standard Errors in Parentheses;  $N = 6,674$ )**

| Фактор расы/национальности и пола / Factors of race/ethnicity and gender        | Коэффициент регрессии / $B$ | Вероятность / Odds |
|---------------------------------------------------------------------------------|-----------------------------|--------------------|
| <i>Пересечения / Intersections<sup>a</sup></i>                                  |                             |                    |
| Женщины азиатского/тихоокеанского происхождения / Asian/Pacific Islander female | 0,53(0,37)                  | 1,69               |
| Чернокожие женщины / Black female                                               | 0,79*** (0,17)              | 2,21               |
| Женщины латиноамериканского происхождения / Latina female                       | 0,70** (0,26)               | 2,01               |
| Коренные американки / Native American female                                    | 0,69** (0,26)               | 1,99               |
| Женщины другого происхождения / Other female                                    | 0,73(0,39)                  | 2,07               |
| <i>Контрольная переменная / Control Variable</i>                                |                             |                    |
| Возраст / Age <sup>b</sup>                                                      | -0,39*** (0,11)             | 0,68               |
| Членство в преступной группировке / Gang Membership <sup>b</sup>                | е                           | е                  |
| Законченное среднее образование / High School Degree <sup>c</sup>               | 0,93*** (0,24)              | 2,54               |
| <i>Тип преступления / Offense Type</i>                                          |                             |                    |
| Насильственное преступление / Violent Offense                                   | 0,06(0,17)                  | 1,06               |
| Имущественное преступление / Property Offense                                   | -0,36* (0,14)               | 0,70               |
| Преступление, связанное с наркотиками / Drug Offense                            | -0,57*** (0,16)             | 0,57               |
| <i>Срок по приговору / Sentence Length</i>                                      |                             |                    |
| Менее одного года / Less than Year                                              | 0,20(0,23)                  | 1,22               |
| От одного года до двух лет / One to Less than Two                               | 0,47* (0,21)                | 1,61               |
| От двух до трех лет / Two to Less Three Years                                   | 0,79** (0,27)               | 2,20               |
| Более трех лет / More Three Years                                               | -0,08(0,47)                 | 0,92               |
| Повторное лишение свободы / Repeat Incarceration <sup>d</sup>                   | 1,70*** (0,15)              | 5,46               |

*Примечание / Note:*

<sup>a</sup> Референтная категория – белые женщины / White Female Reference Category.

<sup>b</sup> Референтная категория – возраст от 18 до 29 лет / Age 18–29 Reference Category.

<sup>b</sup> Референтная категория – член преступной группировки / Gang Member Reference Category.

<sup>c</sup> Референтная категория – законченное среднее образование / High School Degree Reference Category.

<sup>d</sup> Референтная категория – первичное лишение свободы / No Repeat Incarceration Reference Category.

<sup>e</sup> Слишком маленькая выборка / Sample size too small.

\*  $p < 0,05$ ,

\*\*  $p < 0,01$ ,

\*\*\*  $p < 0,001$ .

**Обсуждение**

В данном исследовании было показано, что метод интерсекциональности подтверждает более высокий уровень совершения насильственных правонарушений женщинами – представительницами нацио-

нальных меньшинств, чем белыми женщинами. При этом изучению тяжких преступлений женщин-заключенных, совершенных в местах лишения свободы, посвящено очень мало исследований [53, 54]. Метод интерсекциональности подтвердил свою описатель-

ную и статистическую надежность, согласно значениям  $p$  в мультипараметрической модели. Полученные результаты доказали обе выдвинутые гипотезы, а именно что использование интерсекциональности по расе/национальности и полу позволяет получить более адекватные статистические данные о тюремном насилии, чем рассмотрение этих социологических показателей по отдельности. Также была доказана вспомогательная гипотеза о том, что женщины – представительницы национальных меньшинств непропорционально часто оказываются вовлеченными в насильственные правонарушения в местах лишения свободы.

Ряд более ранних исследований интерсекциональности в малых популяциях свидетельствует о том, что интерсекциональность является значимым фактором. Например, в исследованиях показано, что большинство насильственных преступлений по отношению к заключенным было совершено чернокожими мужчинами [41, 81]. В других работах было показано, что более высокое соотношение белых к чернокожим заключенным коррелирует с более высоким уровнем тюремного насилия среди чернокожих мужчин [82–84]. При этом не проводилось сравнения с интерсекциональностью по фактору расы/национальности и женского пола заключенных, чему и посвящено наше исследование.

Также известно, что пересечения вызывают такой вид агрессии, при котором к индивидууму относятся по-разному в зависимости от расы/национальности и пола [85]. Социально сконструированные различия между законными и незаконными проявлениями насилия основаны на интерсекциональных отношениях власти, зависящих от расы и пола [14]. DeCoster и Heimer [34] считают, что группы, подвергающиеся давлению, возможно, конструируют ответную реакцию, делая упор на проявления насилия как способ противостоять дискриминации. Если рассматривать тюремное заключение как еще одну форму подавления, то это могло бы объяснить, почему женщины – представительницы национальных меньшинств в большей степени вовлечены в тюремное насилие по сравнению с белыми женщинами. Осеп [6] показал, что для контроля факторов расы/национальности и пола в тюрьмах используется сенсорная депривация и что те чернокожие женщины, которые «нарушают» данный порядок, непропорционально

часто подвергаются одиночному заключению. Это может также привести к повышению уровня насилия или нанесения себе телесных повреждений. И снова, если рассматривать тюрьму как форму подавления, то, согласно проведенным исследованиям, женщины – представительницы национальных меньшинств, возможно, конструируют реакции агрессии [34].

В нескольких работах было показано, что в случае девушек из малообеспеченных слоев – представительниц национальных меньшинств домашнее насилие способствовало совершению ими уголовных преступлений [15, 34]. Jones [86] описывает подобное явление, называя его «стратегиями выживания в сложных ситуациях», когда балансирование между ожидаемым поведением порядочной чернокожей девушки и ожиданиями улицы может приводить к агрессивной реакции. Возможно, такой же механизм действует в местах лишения свободы по отношению к женщинам – представительницам меньшинств. Например, в одном из исследований совершенных женщинами убийств было показано, что факторы расы и пола по-разному влияют на совершение убийств белыми и чернокожими женщинами [87].

Кроме того, данное исследование подтверждает теорию переноса тюремного насилия, согласно которой адаптация заключенного к жизни в местах лишения свободы определяется его опытом жизни на свободе и особенностями социализации. Согласно этой модели, заключенные переносят в тюрьму свой опыт насильственных действий в прошлом и выстраивают свое поведение в соответствии с представлениями о ситуации, где жестокость и физическая эксплуатация являются важными навыками для выживания [88–93].

Полученные данные подтверждают, что тюремное заключение по-разному влияет на белых женщин и представительниц национальных меньшинств. Осеп считает, что тюремное заключение во многом способствует формированию и закреплению расовой и гендерной идентичности: «Считается, что чернокожие женщины нарушают нормативную гендерную идентичность... и именно поэтому непропорционально часто подвергаются различным формам преследования и насилия в тюрьмах» [6, р. 478]. Наше исследование показывает, что проявления тюремного насилия можно изучать более эффективно с помощью интерсекционального подхода. Понимание влияния

факторов расы/национальности и пола на насилие в исправительных учреждениях может помочь усовершенствовать работу персонала этих учреждений. В частности, тюремная администрация может использовать полученные данные в обучающих программах для персонала, поскольку именно сотрудники исправительных учреждений выносят суждения о проявлении насилия в среде заключенных.

Наконец, Potter [23] предполагает, что интерсекциональная криминология вносит значительный вклад в развитие критической криминологии и является логическим продолжением теории криминологии. Наша работа доказывает гипотезу, что интерсекциональный подход к изучению тюремного насилия позволяет глубже изучить проявления тюремного насилия по сравнению с рассмотрением факторов расы/национальности и пола по отдельности. В частности, интерсекциональный подход указывает на больший вклад пересечения различных форм идентичности в функцию подавления, чем каждая из этих форм по отдельности.

#### **Ограничения данной работы и дальнейшие исследования**

Поскольку в нашем исследовании не затрагиваются вопросы корреляций в сфере тюремной преступности, а лишь вопрос о наиболее адекватной теоретической модели для описания механизмов тюремной преступности, то для анализа была выбрана дихотомическая зависимая единица измерения (ответ «да» или «нет»). В результате мы не оценивали тяжесть совершенных правонарушений. Хотя Sorensen и соавторы [81] обнаружили зависимость тяжести правонарушений, совершенных против персонала исправительных учреждений, от факторов расы/национальности и пола, однако в нашей работе изучался лишь уровень преступности, но не вопрос тяжести преступлений. Мы также признаем, что в данном исследовании на мультипараметрическом уровне не было изучено потенциальное влияние принадлежности к организованной преступности на тюремное насилие, поскольку количество женщин-заключенных, принадлежащих к преступным сообществам, было незначительным. Однако групповое проявление насилия в женских тюрьмах распространено в гораздо меньшей степени, чем в мужских, поэтому этим фактором нельзя объяснить большую вовлеченность

в тюремное насилие женщин-представительниц национальных меньшинств по сравнению с белыми женщинами [71]. Дальнейшие исследования должны затронуть проблему идентификации женщин-заключенных в качестве членов преступных группировок и потенциальное влияние этого фактора на уровень насилия [94].

Кроме того, в данном исследовании мы не ставим задачи четко определить причины различий в уровне тюремного насилия по признаку интерсекциональности расы/национальности и пола. Несомненно, некоторое влияние оказывает тот факт, что уровень тюремного насилия определяется по официальной отчетности и оценка сотрудников тюрем может быть пристрастной. Так, в недавнем исследовании Olson [95] показано, что чернокожие заключенные чаще подвергаются одиночному заключению, чем белые. Однако при этом указывается, что возможная предубежденность в официальных отчетах должна проявляться в наименьшей степени в случаях тюремного насилия, поскольку насильственные преступления более очевидны для сотрудников исправительных учреждений и оставляют меньше возможностей для пристрастного толкования. В более ранних исследованиях был сделан тот же вывод: факторы расы/национальности и пола могут влиять на официальную отчетность по мелким правонарушениям, но не по насильственным действиям [96].

В данном исследовании мы также не выдвигаем никаких гипотез о причинах зависимости между факторами расы/национальности и пола и уровнем тюремного насилия, а лишь указываем на существование феномена – женщины – представители национальных меньшинств совершают больше насильственных действий в тюрьмах, чем белые женщины. Дальнейшие исследования будут посвящены качественной оценке влияния принадлежности к преступным группировкам на уровень насильственных действий в тюрьмах среди женщин. Кроме того, мы продолжим развивать использование метода интерсекциональной криминологии в качестве инструмента для изучения различных аспектов тюремного заключения. Среди таких аспектов – причины различий в фиксации правонарушений, которые мы планируем изучить с помощью интерсекционального подхода к проблеме влияния факторов расы/национальности и пола на уровень насилия в местах лишения свободы.

## ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПО ЗАВИСИМЫМ ЕДИНИЦАМ ИЗМЕРЕНИЯ / OPERATIONALIZATION OF DEPENDENT MEASURE\*

### Виды насильственных преступлений / Violent Infraction Description

Убийство / Homicide  
Нападение на заключенного с отягчающими обстоятельствами / Aggravated Assault/Inmate  
Драка / Fighting  
Угрозы / Threatening  
Нападение на посетителя с отягчающими обстоятельствами / Aggravated Assault/Visitor  
Захват заложника / Holding Hostage  
Намеренное заражение болезнью / Disease Transfer\*\*  
Нанесение телесных повреждений заключенному / Cause Inmate Injury  
Нападение на сотрудника с отягчающими обстоятельствами / Aggravated Assault/Staff  
Сексуальное домогательство по отношению к сотруднику / Sexual Assault Staff  
Попытка сексуального домогательства по отношению к сотруднику / Attempted Sexual Assault/Staff  
Насильственные сексуальные действия с сотрудником / Abusive Sexual Contact/Staff  
Нападение на заключенного / Assault/Inmate  
Нападение на заключенного с целью самозащиты / Assault/Offender  
Нападение на заключенного с целью самозащиты от сексуального домогательства / Sexual Assault/Offender  
Нападение на заключенного с целью самозащиты от попытки сексуального домогательства / Attempted Sexual Assault/Offender  
Нападение на заключенного с целью самозащиты от насильственных сексуальных действий / Abusive Sexual Contact/Offender  
Бунт / Rioting  
Призыв к бунту / Inciting Riot  
Запугивание / Strong Arming/Intimidation  
Нанесение телесных повреждений сотруднику / Cause Staff Injury  
Нападение, не приведшее к госпитализации / Assault/Non Hospital  
Нападение на сотрудника / Assault/Staff  
Нападение на посетителя / Assault/Visitor  
Неподчинение, приведшее к телесным повреждениям сотрудника / Refuse w/ Staff Injury  
Неподчинение приказу, приведшее к телесным повреждениям сотрудника / Resist Order w/ Staff Injury  
Нанесение телесных повреждений посетителю / Injure a Visitor  
Нападение, приведшее к госпитализации / Assault/Hospital  
Нападение / Assault  
Удержание заложника / Holding Hostage  
Отказ от выполнения медицинских предписаний, приведший к телесным повреждениям / Refuse Medical Order/Injury

#### Примечание / Note:

\* Относительная вероятность вычислялась с помощью: 1) деления процентного показателя насильственных преступлений в группе на процент ненасильственных преступлений (не включены в табл. 1) и 2) деления вероятности нереферентных групп на вероятность референтной группы, вычисленной в п. 1 / Relative odds were calculated by #1 dividing the percentage of violent infractions of a group by the percentage of non-violent infractions (not shown in Table 1) and #2 taking the odds of a reference group calculated in #1 and dividing the odds of other groups to that reference.

\*\* Намеренное заражение болезнью обозначает заражение такими болезнями, как гепатит С и ВИЧ, любыми возможными способами (например, сексуальные действия, контакт с мочой или фекалиями) / Disease transfer refers to any method of transfer of diseases such as Hepatitis C and HIV (e.g., sexual assault and throwing urines or feces).

**СОВЕРШЕННЫЕ НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ /  
VIOLENT INFRACTIONS COMMITTED**

| Виды насильственных преступлений /<br>Violent Infraction Description                                            | Частотность /<br>Frequency | Процент /<br>Percentage |
|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----------------------------|-------------------------|
| Драка / Fighting                                                                                                | 130                        | 30,5                    |
| Запугивание / Strong Arming/Intimidation                                                                        | 109                        | 25,6                    |
| Угрозы / Threatening                                                                                            | 107                        | 25,1                    |
| Нападение на заключенного с целью самозащиты / Assault/Offender                                                 | 65                         | 15,3                    |
| Нападение на сотрудника / Assault/Staff                                                                         | 13                         | 3,1                     |
| Нападение на сотрудника с отягчающими обстоятельствами / Aggravated Assault/Staff                               | 1                          | 0,2                     |
| Отказ от выполнения медицинских предписаний, приведший к телесным повреждениям /<br>Refuse Medical Order/Injury | 1                          | 0,2                     |

**Список литературы / References**

1. Carson E. A. Prisoners in 2013, *Bureau of Justice Statistics*, 2014, available at: <https://www.bjs.gov/content/pub/pdf/p13.pdf>
2. Chilton R., Chambliss W. J. Urban homicide in the United States, 1980-2010: The importance of disaggregated trends, *Homicide Studies*, 2015, vol. 19, pp. 257–272.
3. Alexander M. *The new Jim Crow: Mass incarceration in the age of colorblindness*, New York: The New Press, 2010.
4. Carson E. A. Prisoners in 2014, NCJ 248955, *Bureau of Justice Statistics*, 2015, available at: <https://www.bjs.gov/content/pub/pdf/p14.pdf>
5. Chesney-Lind M. Imprisoning women: The unintended victims of mass imprisonment. In *Invisible punishment: The collateral consequences of mass imprisonment*, ed. M. Mauer, M. Chesney-Lind, New York, The New Press, 2002, pp. 79–94.
6. Ocen P. A. Unshackling intersectionality, *Du Bois Review*, 2013, vol. 10, No. 2, pp. 471–483.
7. Sabol W. J., Couture H., Harrison P. M. Prisoners in 2006, *Office of Justice Programs*, 2007, available at: <https://www.bjs.gov/content/pub/pdf/p06.pdf>
8. Sokoloff N. Women prisoners at the dawn of the 21<sup>st</sup> century, *Women & Criminal Justice*, 2005, vol. 16, No. 1–2, pp. 127–137.
9. Heimer K., Johnson K., Lang J., Rengifo A., Stemen D. Race and women's imprisonment: Poverty, African American presence, and social welfare, *Journal of Quantitative Criminology*, 2012, vol. 28, No. 2, pp. 219–244.
10. Beck A., Harrison P. Prisoners in 2000, *Bureau of Justice Statistics*, 2001, available at: <https://www.bjs.gov/content/pub/pdf/p00.pdf>
11. Guerino P., Harrison P., Sabol W. Prisoners in 2010, *Bureau of Justice Statistics*, 2011, available at: <https://www.bjs.gov/content/pub/pdf/p10.pdf>
12. Mears D., Cochran J., Bales W. Gender differences in the effects of prison on recidivism, *Journal of Criminal Justice*, 2012, vol. 40, No. 5, pp. 370–378.
13. Bell K. E., Lindekugel D. M. Correlates of violence within Washington state prisons, *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 2015, vol. 16, No. 1, pp. 21–34.
14. Hill-Collins P. The tie that binds: Race, gender and US violence, *Ethnic and Racial Studies*, 1998, vol. 21, No. 5, pp. 917–938.
15. Richie B. E. *Arrested justice: Black women, violence, and America's prison nation*, New York, NY, New York University Press, 2012.
16. Andersen M., Hill-Collins P. *Race/ethnicity, class, and gender*, 5<sup>th</sup> ed., Belmont, CA, Wadsworth, 2004.
17. Crenshaw K. Demarginalizing the intersection of race and sex: A black feminist critique of anti-discrimination, *University of Chicago Legal Forum*, 1989, vol. 1989, No. 1, pp. 139–167.
18. Crenshaw K. Mapping the margins: intersectionality, identity, politics, and violence against women of color, *Stanford Law Review*\*, 1991, vol. 43, No. 6, pp. 1241–1299.

19. Stoetzler M. Intersectional individuality: Georg Simmel's concept of 'the intersection of social circles' and the emancipation of women, *Sociological Inquiry*, 2016, vol. 86, No. 2, pp. 216–240.
20. Weber L. *Understanding race, class, gender, and sexuality*, Boston, MA, McGraw-Hill, 2001.
21. Weber L., Parra-Medina D. Intersectionality and women's health: Charting a path to eliminating health disparities. In *Gender perspectives on health and medicine: Key themes*, ed. M. Segal, Oxford, England, Elsevier, 2003, pp. 181–230.
22. Burgess-Proctor A. Intersectionality of race, class, gender, and crime, *Feminist Criminology*, 2006, vol. 1, pp. 27–47.
23. Potter H. Intersectional criminology: interrogating identity and power in criminological research and theory, *Critical Criminology*, 2013, vol. 21, pp. 305–318.
24. Peterson R. D., Krivo L. J., Hagan J. *The many colors of crime: Inequalities of race, ethnicity, and crime in America*, New York, NY, New York University Press, 2006.
25. Richie B. E. The social impact of mass incarceration on women. In *Invisible punishment: The collateral consequences of mass imprisonment*, ed. M. Mauer, M. C. Lind, New York, NY, The New Press, 2002.
26. Tonry M. *Thinking about crime: Sense and sensibility in American penal culture*, New York, NY, Oxford University Press, 2004.
27. Beckett K., Sasson T. *The politics of injustice: Crime and punishment in America*, Thousand Oaks, CA, Sage Publications, 2004.
28. Joseph J. Drug offenses, gender, ethnicity, and nationality, *The Prison Journal*, 2006, vol. 86, No. 1, pp. 140–157.
29. Christian J., Thomas S. S. Examining the intersections of race, gender, and mass imprisonment, *Journal of Ethnicity in Criminal Justice*, 2009, vol. 7, pp. 69–84.
30. Travis J. Defining a research agenda on women in justice in the age of mass incarceration, *Women and Criminal Justice*, 2006, vol. 17, No. 2–3, pp. 127–136.
31. Young V. Gender expectations and their impact on Black female offenders and victims, *Justice Quarterly*, 1986, vol. 3, pp. 305–327.
32. Berg M. T., DeLisi M. The correctional melting pot: Race, ethnicity, citizenship, and prison violence, *Journal of Criminal Justice*, 2006, vol. 34, pp. 631–642.
33. Pager D. *Marked: Race, crime, and finding work in an era of mass incarceration*, Chicago, IL, The University of Chicago Press, 2007.
34. DeCoster S., Heimer K. Crime at the intersections: Race, gender, and violent offending. In *The many colors of crime: Inequalities of race, ethnicity, and crime in America*, ed. R. D. Peterson, L. J. Krivo, J. Hagan, New York, NY, New York University Press, 2006, pp. 138–156.
35. Hill-Collins P. *Black feminist thought: Knowledge, consciousness, and the politics of empowerment*, 2<sup>nd</sup> ed., New York, NY, Routledge, 2000.
36. Daly K. Class-race-gender: Sloganeering in search of meaning, *Social Justice*, 1993, vol. 20, No. ½, pp. 51–52, 56–71.
37. Brewer R. M. Theorizing race, class and gender: The new scholarship of Black feminist intellectuals and Black women's labor. In *Theorizing Black feminisms: The visionary pragmatism of Black women*, ed. S. M. James, A. P. A. Busia, New York, NY, Routledge, 1993, pp. 29–47.
38. Meyers M. African American women and violence: Gender, race, and class in the news, *Critical Studies in Media Communication*, 2004, vol. 21, No. 2, pp. 95–118.
39. Schenk A. M., Fremouw W. J. Individual characteristics related to prison violence: A critical review of the literature, *Aggression and Violent Behavior*, 2012, vol. 17, No. 5, pp. 430–442.
40. Steiner B., Wooldredge J. D. The relevance of inmate race/ethnicity versus population composition for understanding prison rule violations, *Punishment & Society*, 2009, vol. 11, No. 4, pp. 459–489.
41. Harer M. D., Steffensmeier D. J. Race and prison violence, *Criminology*, 1996, vol. 34, No. 3, pp. 323–355.
42. DeLisi M. Criminal careers behind bars, *Behavioral Sciences and the Law*, 2003, vol. 21, pp. 653–669.
43. Rocheleau A. M. K. *Prisoners' coping skills and involvement in serious prison misconduct and violence* (Unpublished doctoral dissertation), Northeastern University, Boston, MA, available at: <http://hdl.handle.net/2047/d20003230>.
44. Baskin D. R., Sommers I., Steadman H. J. Assessing the impact of psychiatric impairment on prison violence, *Journal of Criminal Justice*, 1991, vol. 19, pp. 271–280.
45. Camp S., Gaes G., Langan N., Saylor W. The influence of prisons on inmate misconduct: A multilevel investigation, *Justice Quarterly*, 2003, vol. 20, pp. 501–534.
46. Finn M. A. Disciplinary incidents in prison: Effects of race, economic status, urban residence, prior imprisonment, *Journal of Offender Rehabilitation*, 1995, vol. 22, pp. 143–156.
47. Wright K. Race and economic marginality in explaining prison adjustment, *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 1989, vol. 26, No. 1, pp. 67–89.
48. Celinska K., Sung H. E. Gender differences in the determinants of prison rule violations, *The Prison Journal*, 2014, vol. 94, pp. 220–241.

49. Drury A., DeLisi M. The past is prologue: Prior adjustment to prison and institutional misconduct, *The Prison Journal*, 2010, vol. 90, No. 3, pp. 331–352.
50. Harer M. D., Langan N. P. Gender differences in predictors of prison violence: Assessing the predictive validity of a risk classification system, *Crime and Delinquency*, 2001, vol. 47, No. 4, pp. 513–536.
51. Cunningham M., Sorensen J., Vigen M., Woods S. Correlates and actuarial models of assaultive prison misconduct among violence-predicted capital offenders, *Criminal Justice and Behavior*, 2011, vol. 38, No. 1, pp. 5–25.
52. Steiner B., Wooldredge J. D. Sex differences in the predictors of prisoner misconduct, *Criminal Justice and Behavior*, 2014, vol. 41, No. 4, pp. 433–452.
53. Craddock A. A comparative study of male and female prison misconduct careers, *The Prison Journal*, 1996, vol. 76, No. 1, pp. 60–80.
54. Wulf-Ludden T. Interpersonal relationships among inmates and prison violence, *Journal of Crime and Justice*, 2013, vol. 36, No. 1, pp. 116–136.
55. Austin J. *Findings in prison classification and risk assessment*, Washington, DC, US Department of Justice, National Institute of Corrections, 2003.
56. Bottoms A. E. Interpersonal violence and social order in prisons. In *Prisons, crime and justice: A review of research*, ed. M. Tonry, J. Petersilia, Chicago, IL, University of Chicago Press, 1999, pp. 205–282.
57. Goetting A., Howsen R. Women in prison: A profile, *The Prison Journal*, 1983, vol. 63, No. 2, pp. 27–46.
58. Sargent J. Evolution of a stereotype: Paternalism and the female inmate, *The Prison Journal*, 1984, vol. 64, No. 1, pp. 37–44.
59. Sorensen J., Cunningham M. Conviction offense and prison violence: A comparative study of murderers and other offenders, *Crime & Delinquency*, 2010, vol. 56, No. 1, pp. 103–125.
60. Thomson N., Towl G., Centifanti L. The habitual female offender inside: How psychopathic traits predict chronic prison violence, *Law & Human Behavior*, 2016, vol. 40, No. 3, pp. 257–269.
61. Greer K. The changing nature of interpersonal relationships in a women's prison, *The Prison Journal*, 2000, vol. 80, No. 4, pp. 442–468.
62. Dubrow J. K. How can we account for intersectionality in quantitative analysis of survey data? Empirical illustration for Central and Eastern Europe, *ASK*, 2008, vol. 17, pp. 85–100.
63. Brame R., Paternoster R., Mazerolle P., Piquero A. Testing for the equality of maximum-likelihood regression coefficients between two independent equations, *Journal of Quantitative Criminology*, 1998, vol. 14, No. 3, pp. 245–261.
64. Paternoster R., Brame R., Mazerolle P., Piquero A. Using the correct statistical test for the equality of regression coefficients, *Criminology*, 1998, vol. 36, No. 4, pp. 859–866.
65. Bench L. L., Allen T. D. Investigating the stigma of prison classification: An experimental design, *The Prison Journal*, 2003, vol. 83, pp. 367–382.
66. Cooper R., Werner P. Predicting violence in newly admitted inmates, *Criminal Justice and Behavior*, 1990, vol. 17, pp. 431–477.
67. Cunningham M., Sorensen J. R. Actuarial models for assessment of prison violence risk: Revisions and extensions of the risk assessment scale for prison, *Assessment*, 2006, vol. 13, pp. 253–265.
68. Cunningham M., Sorensen J. R. Predictive factors for violent misconduct in close custody, *The Prison Journal*, 2007, vol. 87, No. 2, pp. 241–253.
69. Cunningham M., Sorensen J. R., Reidy T. J. An actuarial model for assessment of prison violence risk among maximum security inmates, *Assessment*, 2005, vol. 12, pp. 40–49.
70. Wooldredge J. D. Correlates of deviant behavior among inmates of U.S. correctional facilities, *Journal of Crime & Justice*, 1991, vol. 14, No. 1, pp. 1–25.
71. Lauderdale M., Burman M. Contemporary patterns of female gangs in correctional settings, *Journal of Human Behavior in the Social Environment*, 2009, vol. 19, No. 3, pp. 258–280.
72. Gaes G., Wallace S., Gilman E. Influence of Prison Gang Affiliation on Violence & other Prison Misconduct, *Federal Bureau of Prisons*, 2001, available at: <http://purl.access.gpo.gov/GPO/>
73. Gaes G., Wallace S., Gilman E., Klein-Saffran J., Suppa S. The influence of prison gang affiliation on violence and other prison misconduct, *The Prison Journal*, 2002, vol. 82, No. 3, pp. 359–385.
74. Worrall J., Morris R. G. Prison gang integration and inmate violence, *Journal of Criminal Justice*, 2012, vol. 40, No. 5, pp. 425–432.
75. Wooldredge J., Griffin T., Pratt T. Considering hierarchical models for research on inmate behavior: Predicting misconduct with multilevel data, *Justice Quarterly*, 2001, vol. 15, No. 1, pp. 203–231.
76. DeLisi M., Berg M. T., Hochstetler A. Gang members, career criminals and prison violence: Further specification of the importation model of inmate behavior, *Criminal Justice Studies*, 2004, vol. 17, No. 4, pp. 369–383.
77. Sorensen J., Davis J. Violent criminals locked up: examining the effect of incarceration on behavioral continuity, *Journal of Criminal Justice*, 2011, vol. 39, No. 2, pp. 151–158.

78. Hardyman P. L., Austin J., Tulloch O. C. Revalidating external prison classification systems: The experience of ten states and mode for classification reform, *National Institute of Corrections*, 2002, available at: <http://static.nicic.gov/Library/017382.pdf>
79. Kuanliang A., Sorensen J. Predictors of self-reported prison misconduct, *Criminal Justice Studies*, 2008, vol. 21, No. 1, pp. 27–35.
80. Steiner B., Wooldredge J. D. Inmate versus environmental effects on prison rule violations, *Criminal Justice and Behavior*, 2008, vol. 35, No. 4, pp. 438–456.
81. Sorensen J., Cunningham M., Vigen M., Woods S. Serious assaults on prison staff: A descriptive analysis, *Journal of Criminal Justice*, 2011, vol. 39, No. 2, pp. 143–150.
82. Gaes M., McGuire W. Prison violence: The contribution of prison crowding versus other determinants of prison assault rates, *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 1985, vol. 22, No. 1, pp. 41–65.
83. Lahm K. A. Inmate assaults on prison staff: A multilevel examination of an overlooked form of prison violence, *The Prison Journal*, 2009, vol. 89, No. 2, pp. 131–150.
84. McCorkle R. C., Miethe T., Drass K. A. The roots of prison violence: A test of the deprivation management and not-so-total institutions model, *Crime and Delinquency*, 1995, vol. 41, No. 3, pp. 317–331.
85. Zinn M., Dill B. Theorizing difference from multiracial feminism, *Feminist Studies*, 1996, vol. 22, No. 2, pp. 321–331.
86. Jones N. *Between good and ghetto: African American girls and inner-city violence*, New Brunswick, NJ, Rutgers University Press, 2010.
87. Parker K. F., Hefner M. K. Intersections of race, gender, disadvantage, and violence: Applying intersectionality to the macro-level study of female homicide, *Justice Quarterly*, 2015, vol. 32, No. 2, pp. 223–254.
88. Giallombardo R. *Society of women: A study of a women's prison*, New York, NY, John Wiley, 1966.
89. Irwin J., Cressey D. Thieves, convicts, and the inmate culture, *Social Problems*, 1962, vol. 10, No. 2, pp. 142–155.
90. Lahm K. A. Inmate-on-inmate assault: A multilevel examination of prison violence, *Criminal Justice and Behavior*, 2008, vol. 35, No. 120–137.
91. Poole E., Regoli R. Race, institutional rule - breaking, and disciplinary response: A study of discretionary decision making in prison, *Law and Society Review*, 1980, vol. 14, No. 4, pp. 931–946.
92. Schrag C. A preliminary criminal typology, *Pacific Sociological Review*, 1961, vol. 4, No. 1, pp. 11–16.
93. Wheeler S. Socialization in correctional communities, *American Sociological Review*, 1961, vol. 26, No. 5, pp. 697–712.
94. Scott T. L., Ruddell R. Canadian female gang inmates: risk, needs, and the potential for prison rehabilitation, *Journal of Offender Rehabilitation*, 2011, vol. 50, No. 6, pp. 305–326.
95. Olson J. C. Race and punishment in American prisons, *Journal of Public Administration Research and Theory*, 2016, vol. 26, No. 4, pp. 758–768.
96. Freeman R. M. Social distance and discretionary rule enforcement in a women's prison, *The Prison Journal*, 2003, vol. 83, No. 2, pp. 191–205.
97. Griffin M. L., Hepburn J. R. The effect of gang affiliation on violent misconduct among inmates during the early years of confinement, *Criminal Justice and Behavior*, 2006, vol. 33, No. 4, pp. 419–448. DOI: 10.1177/0093854806288038
98. Hardyman P. L., Austin J., Tulloch O. C. *Revalidating external prison classification systems: The experience of ten states and mode for classification reform*, National Institute of Corrections, 2002, available at: <http://static.nicic.gov/Library/017382.pdf>
99. Wooldredge J., Steiner B. Race group differences in prison victimization experiences, *Journal of Criminal Justice*, 2012, vol. 40, pp. 358–369. DOI: 10.1016/j.jcrimjus.2012.06.011
100. Kerryn E. Bell. Prison violence and the intersectionality of race/ethnicity and gender, *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 2017, vol. 18, Is. 1, pp. 106–121.

\* Принадлежит нежелательной организации в РФ / Belongs to an undesirable organization in the Russian Federation.

Дата поступления / Received 15.12.2017

Дата принятия в печать / Accepted 23.02.2018

Дата онлайн-размещения / Available online 25.03.2018

© Белл К. Е., 2018. Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (<http://apel.ieml.ru>), 25.03.2018

© Bell K. E., 2018